

Цзиньцзяна тоже пришлось взять на учёт и внести в реестр Управления по делам пробужденных.

Всему виной был его стремительный рост: с тех пор как Суо Цзысе увёл его из глухих гор и перевёз в город, прошло чуть больше месяца. А на новом месте, в этом тихом жилом комплексе, они обосновались всего пару недель назад, но зелёные плети уже сплошь затянули кирпичную стену дома.

Мало того что Цзиньцзян обожал солнце, он ещё и отличался на редкость собственническим, деспотичным характером. Всю флору в саду при вилле он извёл под корень в первые же дни — не пощадил ни единого стебелька. И теперь на фоне абсолютно голого, вычищенного участка эта буйная изумрудная стена смотрелась на удивление вызывающе, сразу бросаясь в глаза прохожим.

К тому же Цзиньцзян питал слабость к охоте на насекомых. Рано или поздно соседи непременно заметили бы, как охапки листьев ловят мошкар, так что Суо Цзысе решил не искушать судьбу и подал документы на регистрацию.

Благо закон стоял на стороне владельцев: государство официально признавало права собственности на мутировавших питомцев. Стоило внести существо в реестр, как любые попытки отобрать его силой становились противозаконными. Согласно «Положению об управлении пробужденными», нападение на зарегистрированного мутанта приравнивалось к покушению на самого хозяина, что давало тому полное право на самооборону. Разумеется, существовало и обратное правило: если питомец сам проявлял агрессию к окружающим, вся ответственность ложилась на плечи его владельца.

Словом, за любые шалости и проказы зверя расплачиваться приходилось хозяину.

Ещё перед тем как покинуть горную глушь, Суо Цзысе строго-настрого договорился с Цзиньцзяном: никаких нападений на обычных людей и домашних животных. Даже на Пробужденных без веской причины бросаться запрещалось. Почувствовав чужую неприязнь или столкнувшись с прямой агрессией, он должен был сразу сообщить хозяину и действовать только по его указке. Исключение делалось лишь для крайних случаев, когда возникала прямая угроза его жизни — тогда право на самозащиту вступало в силу безоговорочно.

Из опасения, что на редкого мутанта позарится кто-то влиятельный, Суо Цзысе велел ему притворяться самой обычной декоративной зеленью. Основе лозы категорически запрещалось принимать истинный облик паука на глазах у посторонних. Если же Цзиньцзяну безумно хотелось порезвиться на воле, хозяин отсекал от него небольшой отросток. Это послушное ответвление превращалось в крошечного паучка, которого уже можно было спокойно взять с собой на прогулку.

Несмотря на то что Цзиньцзян привык к вольной жизни, он безропотно подчинился. Хозяин терпеливо объяснил ему: раз уж они решили жить среди людей, придётся играть по их правилам. И правила эти обязательны для всех: человеческое общество опутано ими куда

сильнее, чем может показаться. И эти законы, хоть и ограничивают свободу, на самом деле служат надёжным щитом.

Кроме того, хозяин предупредил, что злые люди так и ищут повод прибрать к рукам способных к трансформации созданий. Стоит им прознать об истинной природе Цзиньцзяна, как они костями лягут, лишь бы отнять его под благовидным предлогом. А Суо Цзысе всего лишь один человек — против целой своры ему не сдюжить, как бы он ни хотел уберечь своего питомца.

Новые хозяева, опасаясь побега, наверняка запрут его в сыром, тёмном подвале. Без капли солнечного света, без мягкой земли — будут лишь подливать пресную воду, чтобы не сдох.

А ведь лишить Цзиньцзяна солнца — всё равно что убить!

Испуганный этими жуткими картинками, питомец вёл себя тише воды, ниже травы. Он панически боялся оступиться и дать негодяям хоть малейшую зацепку.

Зато теперь, получив личный жетон регистрации, Цзиньцзян так и лучился гордостью. Хозяин объяснил, что это — награда за примерное поведение. Государство официально признало его полноправным жителем страны.

Дух патриотизма оказался не чужд и разумному растению. Ещё в горах он краем уха слышал разговоры заезжих студентов, которые увлечённо рассуждали о том, как важно приносить пользу родине. Теперь, став частью этой большой системы, Цзиньцзян твёрдо вознамерился со временем тоже совершить какой-нибудь великий подвиг на благо государства.

Радостное возбуждение лозы не предвещало ничего хорошего местным насекомым. Стоило какому-нибудь беспечному жуку подлететь слишком близко, как зелёный лист мгновенно сворачивался, утягивая добычу в смертельный капкан.

Заметив у ворот табличку с предупреждением, соседи поначалу толпами стекались поглазеть на диковинную мутировавшую лозу. Впрочем, праздный интерес угас довольно быстро: взрослые, удовлетворив любопытство, вскоре перестали обращать на неё внимание.

Чего нельзя было сказать о детворе. Каждое утро и вечер стайка ребятишек из местного детского сада облепляла кованый забор усадьбы Суо Цзысе. Стоило Цзиньцзяну едва заметно шевельнуть побегом или встряхнуть глянцевыми листьями, как толпа взрывалась восторженным пискom и дружным вздохом изумления.

Родители, бессильные перед капризами своих чад, безропотно приводили их к заветному забору, а сами разбредались по делам. О безопасности можно было не беспокоиться: охрана в жилом комплексе работала безупречно, да и близость соседа-Пробужденного действовала на любых потенциальных злоумышленников лучше любых замков. Кто в здравом уме рискнёт красть детей под носом у мастера сверхспособностей?

Несколько дней подряд Суо Цзысе с улыбкой наблюдал за этой картиной: у забора выстраивался неровный рядок курносых носов, заворожённо следящих за каждым движением лозы.

Рассудив, что Цзиньцзян в душе — такой же ребёнок, которому не помешала бы компания сверстников, хозяин решил впустить маленьких гостей во двор. Перед этим он взял с них честное слово строго следовать правилам с таблички: руками не трогать, листья не рвать, не шуметь и не кричать.

Конечно, на самом деле тисканье и оборванные листья не причинили бы Цзиньцзяну ни малейшего вреда — его покров превосходил прочностью сталь, и детские пальчики были для него неощутимы. Иначе Суо Цзысе никогда не пошёл бы на подобный шаг. Эти запреты преследовали иную цель: установить в сознании малышей невидимую границу. Они должны были понять, что это хрупкое живое существо нуждается в заботе и бережном отношении. В противном случае рано или поздно среди них нашёлся бы какой-нибудь сорванец, решивший проверить прочность стеблей перочинным ножом или садовыми ножницами.

Обычное железо лозу бы не взяло, но Цзиньцзян тонко чувствовал чужую враждебность, и хозяин не хотел ранить его душу.

К тому же Суо Цзысе возложил на маленьких посетителей почётную обязанность: охранять их зелёного друга от нападок прохожих и бродячих собак. Он объяснил ребятам, что хотя Цзиньцзян лишён дара речи, он всё прекрасно понимает и чувствует искреннее отношение. Только любовь и тепло помогут ему довериться людям. Если они действительно хотят подружиться, то могут приходить каждый день и просто разговаривать с ним.

Малыши мгновенно преисполнились важности доверенного им дела. Сияя от гордости, они наперебой принялись заверять хозяина дома, что костями лягут, но уберегут Цзиньцзяна от любых нападений.

Вот только детская натура противоречива: чем строже запрет, тем слаще искушение нарушить его.

Не прошло и получаса, как один из мальчишек не удержался и, воровато оглядевшись, кончиком пальца коснулся сочного зелёного листа.

Сам питомец и бровью не повел бы, но бдительные стражи порядка не дремали. Нарушителя тут же взяли в кольцо. Десятки грозных обвинителей наперебой принялись стыдить провинившегося за обман и попранное доверие.

Цзиньцзян растерялся. Вид плачущего от обиды мальчишки, которого остальные дружно распекали на все лады, совершенно его расстроил. Ему вовсе не хотелось раздора в своей маленькой фан-зоне.

Эти шумные ребята успели полюбиться лозе. Суо Цзысе вечно пропадал на работе, а детские голоса будили в памяти приятные воспоминания о весёлом гуле студенческих отрядов в лесной глуши. Дети обожали его, и он платил им искренней взаимностью.

Говорить он не умел и разнять спорщиков привычными методами не мог. Зато прекрасно понимал, что ссора разгорелась из-за него. И раз уж детям так отчаянно хотелось прикоснуться к заветной листве, а правила запрещали это делать, то почему бы ему самому не проявить инициативу?

Мягко отделив тонкий, гибкий побег, Цзиньцзян потянулся к ребяташкам и осторожно, едва ощутимо коснулся нежной почкой лба каждого из них. Детские глаза удивлённо округлились, лица озарились неподдельным восторгом — казалось, они вот-вот упадут в обморок от нахлынувшего счастья. Заметив этот эффект, довольная лоза ласково погладила их ещё раз.

Обделённым лаской остался лишь заплаканный нарушитель. Цзиньцзян не питал к нему зла, но тот преступил запрет хозяина. А те, кто нарушают уговоры, переходят в категорию плохишей. С плохишами Цзиньцзян не водился.

Обиды и споры мигом забылись — во дворе вспыхнула отчаянная борьба за лидерство.

— Цзиньцзян прикоснулся ко мне первому! — завопил один из мальчишек. — Он меня больше всех любит!

— Нет, меня! — тут же возразил другой. — Меня он гладил дольше всех!

— Да вы всё врете! — не соглашались остальные. — Меня он любит сильнее всех, вот!

Только обделённый вниманием виновник ссоры разрыдался ещё безутешнее:

— Меня-а-а... Меня Цзиньцзян не любит! У-у-у!..

Маленькие спорщики мгновенно переключили внимание на общего врага:

— Всё правильно! Цзиньцзян дружит с нами, а с тобой — нет!

Суо Цзысе лишь молча покачал головой.

Он-то надеялся найти для питомца весёлых приятелей, а в итоге Цзиньцзян, кажется, ухитрился завести себе самый настоящий гарем.

<http://bllate.org/book/20595/2173020>